

Елена Алексеевна Нефедова

Россия, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

О региональных вариантах русской национальной картины мира

Ключевые слова: национальная картина мира, территориальное варьирование, лексическая семантика

Key words: national picture of the world, territorial variation, lexical semantics

Abstract

The paper discusses the problem of territorial variation of the national linguistic picture of the world. Features of conceptualization of reality, which are inherent in language varieties, are studied with reference to the Northern Russian dialects. Certain types of discrepancies between the dialects and Standard Russian are identified.

Языковая картина мира, реконструируемая на основе данных русского языка, взятого как целое, не является единственной. Еще Л. В. Щерба отмечал, что мир, который дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, в различных языках постигается различным образом [Щерба 1974: 64]. Это суждение можно с полным основанием перенести на диалекты одного языка.

Различные диалекты русского языка, язык фольклора, городское просторечие, различные жаргоны, обценный дискурс, по словам А. Д. Шмелева, характеризуются своими особыми картинами мира; «иногда различия между разными языковыми картинами мира внутри одного языка оказываются больше, чем межъязыковые различия» [Шмелев 2002: 15].

Своеобразие картины мира, отражаемой тем или иным идиомом, обнаруживается в результате его сопоставления с другими идиомами. Н. И. Толстой отмечал, что сопоставительное изучение родственных языков позволяет выявить, как близкими средствами выражается разное содержание. Исследования показывают, что сопоставление говоров одного языка и даже микродиалектов одного региона дает возможность увидеть, как одними и теми же формальными средствами выражаются очень тонкие смысловые различия.

В большой степени это суждение касается слов, общих для литературного языка и говоров. Они, как правило, могут включать в себя конфигурации идей, специфичные для определенной территории. При этом обнаруживается, что эти конфигурации соответствуют представлениям, характерным для взгляда на мир с позиций данного диалекта.

Диалекты представляют особый тип народной речевой культуры, которая как целое противопоставлена культуре городского общения, ориентированной на литературный язык. Содержание народной речевой культуры определено в работах В. Е. Гольдина [см., напр.: Гольдин 2002]. К составляющим народной речевой культуры относится и диалектная картина мира. Очевидно, что русская диалектная картина мира не может быть полностью тождественной в силу территориальной разобщенности диалектов, различий исторических условий их формирования, различий природных, климатических условий и т. д.

Картина мира находит свое отражение прежде всего в лексической семантике. Судить о ней позволяют не отдельные слова, а их группировки: тематические, гипонимические и партонимические группы, семантические и морфосемантические поля. Особое видение мира отражается в экспрессивной и модальной лексике, в метафорических наименованиях, в характере семантических переходов, отражающих смысловые связи между семантическими полями. К основным методам изучения диалектной картины мира можно отнести метод моделирования фрагментов диалектного языка, сопоставительный и лингвогеографический методы, а также метод концептуального анализа.

Остановимся на характеристике некоторых специфических особенностей диалектной картины мира¹.

Слова, в значение которых входит какая-то важная именно для данного языка идея, относят к числу лингвоспецифичных. Их специфичность проявляется в характере и степени «культурной разработанности» одного и того же фрагмента действительности в литературном языке и диалектной системе.

Например, в северных говорах существует значительное количество наименований внебрачного ребенка: *гульной*, *нагульной* (т. е., его нагуляли), *сколóток*, *сколотяга* (ребенка как бы сколотили), *беззакóнник* (рожден вне закона), *заугóлыш*, *заугóльник*, *зауглётина* (намек на место зачатия – за углом), *готóвыш*, *придáныш* (девушка выходит замуж с готовым ребенком – «приданным»), и еще ряд наименований, образованных от известного слова

¹ Кафедра русского языка филологического факультета МГУ уже много занимается изучением говоров Русского Севера и созданием *Архангельского областного словаря*. К настоящему времени в диалектологических экспедициях собрана уникальная по своему объему и содержанию бумажная картотека словаря (более 4 млн карточек), в последние годы создается электронная картотека (более миллиона словоупотреблений), издано 15 выпусков словаря (буквы А–З), а также *Обратный словарь Архангельских говоров*. Статья основана на материалах этого словаря и его картотеки.

обсценной лексики с приставкой *вы-*. Это максимальная для северных говоров модель синонимического ряда. Названия отражают традиционно негативную оценку факта рождения ребенка вне брака. Они несут в себе информацию о характере морально-этических норм, о системе ценностей в диалектной картине мира. Эта информация эксплицирована внутренней формой соответствующих номинаций.

При обращении к мотивированным словам той или иной семантической группы выявляются семантические модели, в которых отражено видение мира, представления о нем, закрепленные в виде внутренней формы слов.

Например, диалектные названия паутины, представляющие фрагмент семантической группы 'насекомые'. В северных говорах они носят метафорический характер. Номинации *сётка*, *сеть*, *мерёжа*, *нёвод* отражают ассоциации сходства паутины с сетью для ловли рыбы (форма и функция 'ловить', ср. архангельское *мерёжа*, *нёвод* 'рыболовная сеть'). В номинациях *тенёто*, *силó*, *сілье* и *пленица*, *плёнка* отражается сходство функции с приспособлением для ловли птиц и мелких животных (*тенёто*, *сілье*, *плёнка* 'охотничьи силки'). Эти различия в представлении паутины имеют в говорах Севера ареальную значимость. Нанесенные на карту, они обнаруживают два мотивационных ареала: север, северо-запад – сходство с рыболовной сетью, центр (среднее и верхнее течение реки Северной Двины) и юг архангельского региона – сходство с ловушкой. В пределах мотивационных ареалов выявляются также лексические ареалы [см. подробнее: Нефедова 2008: 72–84].

Внутренняя форма слова связана с наличием у него определенного типа ассоциативно-деривационных смысловых отношений, отличных от литературного языка. Так, русское *воспитание* восходит к слову *питание*, однако внутренняя форма в литературном языке уже неактуальна для жизни слова. В северных русских говорах она прозрачна: *воспитывать* – 'давать средства к жизни, поить и кормить': *А семью как хóш воспитáй. Воспитáла своéй грудью, как двойникóв*; 'ухаживать за стариками до их кончины': *Онí (молодые) перешли в избу (к старухе) её воспитáть*.

Для говоров и литературного языка характерны различия в структуре и степени детализации пространства семантических полей, в наличии или отсутствии гиперонимов поля, дающих имя соответствующему концепту. Например, в одних говорах, как и в литературном языке, разные состояния атмосферы обозначаются описательно: *хорóшая*, *плохáя погóда*, в других говорах для каждого из типов может быть отдельное обозначение: *вёдрие*, *вёдренье*, *вёдро – погóда*, *погóдые*. Есть основания предполагать, что в части северных говоров общее наименование погоды исконно вообще отсутствовало. Аналогичное явление обнаружено в структуре группы микологической лексики – в части северных говоров нет общего наименования грибов, зато есть четкое семантическое противопоставление *зубы* – 'грибы для засолки' и *грибы* – 'для сушения или варки' [Нефедова 1978].

В современных говорах отмечаются также различия в объеме и содержании универсальных базовых понятий общечеловеческой значимости, таких как *время и пора, свобода и воля, совесть и стыд*.

Например, народное представление о грехе как о нарушении религиозных предписаний выявляется из прецедентных текстов типа *Украдѣш – одѣн грѣх, а потеряѣш – сорок: украд да и фсѣ, а потеряѣш – на тогó здумаѣш и на тогó. Живѣм на грѣх (нарушая предписания религии), и умрѣм на смѣх. Грѣх – из уст, а в уста – не грѣх: кушати фсѣ мѣжно, а вот ругатица, матюкатица нельзя. Грѣх смѣрть молить. Грѣх – судить, обсуждати друг друшку, грѣх кошку обижатъ. Хлѣбом играти – грѣх грѣшной. До Троицы не купайся – грѣх грѣшной. Это грѣх незамолимой, што ис-под венца ушла.*

С грехом связано общее представление о морали, нравственности: *Нынѣ грехá нѣт, цѣгó задумают, то и зделают. Онѣ не боятца, грехá не знаят* (не понимают, что можно, а чего нельзя делать).

В говорах, как и в литературном языке, грех – предосудительный поступок: *Чѣ ле сотворят, грѣх какой, а также вина в чем-н.: На ней нѣт грехá. Поджог лѣс, мой грѣх – захотѣл курить.*

Как грех определяется ссора, скандал, и это представление отражено в семантике слова наиболее ярко, как самостоятельное, собственно диалектное значение с обширной географией: *Мѣжно жить не в греху, а в согласии. У нас с Осипом грѣх идѣт из-за дѣла. Огрубил ты меня напрасно, без дѣла, вѣт и пошѣл у нас грѣх.* Таким образом, в народной культуре представление о грехе концентрируется на отношениях между людьми, их склонности к ссорам, несогласию.

Содержание концепта ГРЕХ выявляет сочетаемость слова: *грехѣ – ссору – завѣдят, навѣдят, добываѣют, свѣдят, грехѣ свиваѣют, мотаѣют, навиваѣют: Меш нами грехѣ свиваѣют старухи; Мы што дѣльше живѣм, бѣльшѣ грехá мотаѣм на себя; Ой, грехá на душу намотала!* Эта сочетаемость, в которой грехи концептуализируются как нечто длинное, типа веревки, опутывающей человека, позволяет по-новому взглянуть и на выражение, общее с литературным языком, – *грех попутал*. Кроме того, грех концептуализируется как тяжесть, тяжелый предмет, он может свалиться с человека: *Фсѣ у меня кичѣные, я уш сама с себя грѣх свалила* или его можно снять на исповеди: *Фсѣ грехѣ снѣмет. На исповедь грехѣ нѣсят, грехѣ сдают, отдаѣют: Раньше мы ходили посьничать, грехѣ здавати. Г батюшку грехѣ здавали, носили. Ходили на исповедь к нѣм, грехѣ здавати. Нагрѣшили много, пошли грехѣ отдавати.*

Исследование конкретного материала подтверждает возможность различий в коннотациях слов, общих для литературного языка и говоров. Например, коннотации воды как чего-то мало содержательного, характерные для литературного языка, в говорах практически не отмечены. С водой здесь связано представление о здоровье и шире – о благоприятных условиях жизни в целом: *Там ей не вода цѣствуецца, а я гдѣ ни была, мнѣ фсѣ вода, не болѣю. Тебѣ как*

живёцце, по здорóвью тебé, дэфка, здéсь вода, вода. Коннотативный потенциал воды находит продолжение во фраземах. *Вода-водой* – ‘приятный в общении, мягкий человек’: *А мужік-то вода-водой, хорóший мужик*; вода связывается с течением жизни: *Было коé-што* (в хозяйстве) *у ково́ на водах-то, ну, а тепе́рь с корóвыми то́жо живу́т.* Чистая вода – это благоприятная для жизни среда: *Міша нас выво́дит на цістую во́ду,* то есть, помогает, подсказывая выход из затруднительного положения. Состояние бедности определяется как *пустая вода.* Мотив движения по воде (*вести, вывести*), также общий с литературным языком, в говорах имеет иное смысловое наполнение. В выражении *По одной воде ведёны* вода выступает как фактор объединения, общности, что по значению тождественно литературному *одним миром мазаны.* Отмечены количественные коннотации воды: *Нарóду-то было – водой не розмо́еш.*

Регулярность моделей семантической деривации свидетельствует об ассоциативной связи между семантическими полями, важной для определенного социума, и языка, и говоры здесь демонстрируют существенные различия. Остановимся коротко на семантических переходах – ‘время’ – ‘погода’ – ‘жизнь’. Отношения между этими категориями в диалектном языке находят свое проявление в совмещении значений полей ВРЕМЕНИ, ПОГОДЫ и ЖИЗНИ в семантической структуре одних и тех же слов. В результате семантических ассоциаций по смежности номинации поля ВРЕМЕНИ переходят в поле ПОГОДЫ и поле ЖИЗНИ, а поле ЖИЗНИ передает свои номинации полю ВРЕМЕНИ.

– Семантический переход ‘время’ – ‘жизнь’:

Фсё вре́мя в э́том до́ме вы́жила.

– Семантический переход ‘жизнь’ – ‘время жизни человека’:

Надо пожи́ть, да жи́тья ма́ло ста́ло. Помира́л и гово́рил: жи́тьё бу́деш дожи́вать одна́. Жи́тьё на́ше от ве́чера до ве́чера. Вре́ме прошло́, уш на восьмо́м де́сятке у мене́ личьно вре́ме (возраст) ста́ло, прохо́дит.

– Семантический переход ‘время’ – ‘погода’:

Дош и фсё, вре́мё не напра́вляеца. Не бу́де до́жжик, вре́ме опсто́ице, до́жжю́ не бу́дут. А вре́мё-то па́смурно.

Между полями ВРЕМЕНИ и ЖИЗНИ существует двусторонняя связь, взаимодействие между ВРЕМЕНЕМ и ПОГОДОЙ происходит лишь в одном направлении – от времени к погоде, поля ЖИЗНЬ и ПОГОДА в говорах Севера связей на лексическом уровне не обнаруживают. Время как бы выполняет роль пространства, которое вмещает в себя жизнь и погоду как две достаточно автономные сущности. В литературном языке лексические связи, отражающие эти отношения, представлены на уровне употреблений, в северных говорах (как и в некоторых европейских языках) они устойчивы и системно закреплены, и это свидетельствует об их значимости в диалектной картине мира.

Многие действия, процессы, состояния времени и бытия выражают глаголы КРУГОВОГО ДВИЖЕНИЯ (вращение и поворот), представляющие

предикаты времени и жизни. В своих производных значениях предикаты поворота и вращения эксплицируют семантику изменения положения, состояния, свойственную полям ВРЕМЕНИ, ЖИЗНИ, ПОГОДЫ.

- Семантический переход ‘поворот’ – ‘изменение течения времени’:
Врэмя стáло поворáчивацца, оні и пошлі. Ровно час иль сверну́ло, свороті́ло?
- Семантический переход ‘поворот’ – ‘изменение погоды’:
Сэй гот хорóшой погóды не бывáло, дэнь вэрнет да другóй, а потóm опя́ть хóлодно. Жáрит-жáрит, да онó повернёт на грозу́ фсё равнó.
- Семантический переход ‘поворот’ – ‘изменение возраста человека’:
Штóбы мне ищэ́ лёт на двáццять поверну́цца. Кáбы стáрость-то поверну́лась на мóлодость.
- Семантический переход ‘вращение’ – ‘состояние здоровья, самочувствие человека’:
Терплэ́нья нёт, тэ́ло-то вэ́ртит. Ча́сто верті́ць стáло.
- Семантический переход ‘поворот’ – ‘прекращение жизни, смерть’:
Так йего́ задрáл медвэ́ть, запорóл – завороті́лсе. Телёнок переверну́лся: днё́м бэ́гат, вылэ́гиват, но́цью жи́ф не бывáл. Сэ́меро бы́ло, одна́ поверну́ласе.
- Семантический переход ‘поворот’ – ‘эмоциональное состояние’:
Душá у мя́я повороті́лась.
- Семантический переход ‘поворот’ – ‘ментальное состояние’:
Ўм не заворóцяецця бóльше. Ум хóдо стáл вороті́цца.
- Семантический переход ‘поворот, вращение’ – ‘поведение, поступки’:
‘Говорить неправду, лгать’: *Он целовéк несправедлі́вой, он вэ́ртицца, вэ́ртицца – это врэ́т. Нёт, на́до бы́ло рáньше думáть, а се́цáс нёт, вертэ́цца не бóду – слóво не óлово. Сверну́л я.*
- Семантический переход ‘поворот’ – ‘изменение мнений, убеждений’:
Он што скáжет, так не повернэ́тця. На крáсных повороті́ли (перешли на их сторону). Не хотéл, штóбы дóчь отцá повороті́ла, штоп перепэ́рла йего́.
- Семантический переход ‘поворот’ – ‘мифологические представления’:
‘Превращение’: *Вот бы́ло, што фсéх гостéй в волкóф поверну́ли. Бэ́сы ф человекá оберну́т.*
‘Приворот’:
Она́ отвороті́ла йевó, к себэ́ привороті́ла. Отворóтны слóва она́ зна́ет, она́ умéет отворáчивать и приворáчивать.

Глаголами КРУГОВОГО ДВИЖЕНИЯ передаются разнообразные проявления жизни природы и человека, с их помощью обозначается движение солнца, ветра, воды, изменение погоды, смена времен года, рост и умирание растений и животных, физические и ментальные состояния человека, его трудовая деятельность. Дифференциация значений семантического поля свидетельствует о том, что весь мир, всё сущее во ВРЕМЕНИ, ПОГОДЕ,

ЖИЗНИ в их изменении, развитии русский диалектный язык связывает с идеей кругового движения, с поворотом и вращением.

Таким образом, мир, представленный сквозь призму диалектов, отражаемый диалектами, заметно отличается от видения его глазами носителя литературного языка, хотя и не кажется нам чем-то чуждым, непонятным. Диалектная картина мира нисколько не беднее картины мира, отражаемой литературным языком, в чем-то она даже ярче в силу своей наглядности, образности и мифологичности.

Детальное изучение диалектной семантики позволит выявить общую и вариативную часть национальных представлений о мире, закрепленных в диалектном языке². Включение диалектных данных в анализ культурно значимых концептов наряду с данными литературного языка позволит составить более объективное представление о национальной языковой специфике и представить русскую концептосферу в единстве, исключающем деление языка на высшую и низшую сферы.

Литература

- Гольдин В. Е., 2002, Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения [в:] Н. Н. Пшеничнова (ред.), *Аванесовский сборник*, Москва: Наука, с. 58–64.
- Нефедова Е. А., 1978, О гипонимических отношениях в группе микологической лексики [в:] Р. И. Аванесов (ред.), *Общеславянский лингвистический атлас 1976*, Москва: Наука, с. 186–203.
- Нефедова Е. А., 2008, *Многозначность и синонимия в диалектном пространстве*, Москва: Макс-Пресс.
- Толстой Н. И., 1995, *Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*, Москва: Индрик.
- Шмелев А. Д., 2002, *Русская языковая модель мира. Материалы к словарю*, Москва: Языки славянской культуры.
- Щерба Л. В., 1974, *Языковая система и речевая деятельность*, Ленинград: Наука.

² Материал говором ставит под сомнения некоторые устойчивые суждения о русской ментальности в целом, основанные преимущественно на литературном материале. Так, знаменитое русское *авось*, отнесенное в [Шмелев 2002: 134–136] к выражающим общие установки русской языковой картины мира, не отмечено в говорах архангельского региона.